

Бог его отцов

Джек Лондон

I

Повсюду расстилались дремучие, девственные леса — место действия шумных фарсов и безмолвных драм. С первобытной жестокостью велась здесь борьба за существование. Сюда, в самое сердце Страны на Краю Радуги, еще не пришли британцы и русские, и американское золото не скупило еще громадных ее просторов. Волчьи стаи еще преследовали по пятам стада оленей, отбивая отяжелевших самок или ослабевших и терзая жертвы с той же безжалостностью, как тысячи поколений до них. Немногочисленные туземцы еще подчинялись своим вождям и почитали шаманов, изгоняли злых духов, сжигали ведьм, сражались с соседями и пожирали их с таким аппетитом, который делал честь желудкам победителей. Клонился к исходу каменный век. А по неведомым тропам, через пустыни, не обозначенные на картах, уже шли предвестники стального века — сыны белокурой голубоглазой и неукротимой расы. То случайно, то намеренно, по двое, по трое приходили они неизвестно откуда, сражались и умирали или уходили неизвестно куда. Шаманы слали проклятия на их головы, вожди созывали воинов, и камень схватывался со сталью, но напрасно. Словно вода из какого-то огромного водоема, просачивались они сквозь угрюмые чащи и горные перевалы, легкие лодки их заходили в дальние протоки, и мокасины прокладывали тропы для собачьих упряжек. То были сыны великого и могучего племени, их было много, но этого не знали пока закутанные в шкуры обитатели Северной страны. Сколько невоспелых пришельцев бились до последнего и умирали под холодным блеском северного сияния, так же, как бились и умирали их братья в раскаленных песках пустынь или в дышащих смертоносными испарениями джунглях, так же, как будут биться и умирать те, которые придут за ними, пока в назначенный час не обретет это великое племя своей судьбы.

Время приближалось к двенадцати. Горизонт на севере был залит алым свечением; оно бледнело к западу и сгущалось на востоке, обозначая положение невидимого полночного солнца. Сумерки так неприметно переходили в зарю, что ночь исчезала, умирающий день встречался с нарождающимся, и оттого временами на небе словно было два солнечных диска. Ржанка только что робко прощебетала свою

вечернюю песенку, а зарянка уже зычно приветствовала наступающее утро. С острова посреди Юкона доносилась крикливая перебранка диких гусей, и будто в ответ над замершей гладью несясь с берега насмешливый хохот полярной гагары.

В тихой заводи несколькими рядами стояли выделанные из березовой коры каноэ. Копья с плоскими костяными наконечниками, стрелы с таким же оперением, стянутые оленьими жилами луки, плетеные верши — все указывало на то, что шел нерест лосося. На берегу среди крытых шкурами вигвамов и развешанной для вяления рыбы слышны были голоса. Парни состязались в ловкости и заигрывали с девушками; почтенные скво, лишённые этих радостей — поскольку выполнили свое назначение в жизни, обзаведясь потомством, — сучили веревки из стеблей стелющихся трав и сплетничали. Тут же возились и дрались голые ребятишки, катались по земле с огромными темно-рыжими собаками.

Поодаль, на приличном расстоянии от становища виднелись две палатки. Это был лагерь белого человека — уж самый выбор места убедительно свидетельствовал о том. Отсюда в случае необходимости удобно было вести обстрел становища, расположенного в сотне ярдов, возвышение и открытое пространство позволяли держать оборону при нападении, и, наконец, крутой, ярдов в двадцать склон позади давал возможность быстро отступить к лодкам. В одной из палаток плакал больной

ребенок, и мать баюкала его колыбельной. Снаружи у догорающего костра беседовали двое.

— Да, я почитаю церковь, как преданный сын. Так почитаю, что днем бегу от нее, а ночью грежу о расплате. А что вы хотите? — в голосе метиса послышались гневные нотки. — Родом я с Красной реки. Отец у меня был белый — такой же, как и вы. Только вы янки, а он англичанин и сын джентльмена. А мать моя была индианка, дочь одного вождя, и я стал настоящим мужчиной. Да, не сразу скажешь, какая кровь в моих жилах — ведь я жил среди белых, как равный, и в груди у меня бьется сердце отца. И вот я встретил девушку, белую девушку, которая благосклонно поглядывала на меня. Отец ее, француз по крови, имел много земли и лошадей, и его очень уважали там. «Ты не в своем уме», — сказал он ей, узнав обо мне, и долго убеждал ее и сильно гневался.

Но она была в своем уме, и скоро мы уже стояли перед пастором. Но еще раньше у него побывал отец и наговорил там всяких нехороших слов, пообещал что-нибудь, я уж не знаю. Так что пастор заупрямился и не захотел сделать так, чтобы мы жили друг с другом. Церковь не захотела благословить меня при рождении, и церковь отказалась разрешить мне жениться, и из-за нее руки мои обгарены кровью.

Вот почему я почитаю церковь. Потом я ударил лживого пастора по лицу, мы вскочили на быстрых лошадей и поскакали с ней к форту Пьер, где жил добрый священник. Но вслед за нами бросился ее отец, и братья, и еще какие-то люди, которых он подговорил. И мы дрались прямо на скаку, пока я не выбил троих из седла, а остальные не повернули обратно к форту. Тогда мы отправились на восток, и скрылись среди холмов и лесов, и жили там вместе. Но мы не были женаты, — вот что сделала ваша добрая церковь, которую я почитаю, как послушный сын.

Женщины — странные существа, и ни один мужчина не в силах понять их. Один из тех, кого я вышиб из седла, был ее отец; он упал, и ехавшие сзади растоптали его. Мы оба видели, как все случилось, но я забыл бы об этом, но она забыть не могла. И вот в вечерней тишине, после охоты, это приходило и стояло между нами, всю долгую безмолвную ночь, когда загорались звезды, и мы должны были бы слиться в одно. И так было всегда. Она никогда не заговаривала о случившемся, но оно будто сидело у костра, и мы были как чужие. Я знаю, она хотела забыть все, но мысли одолевали, — я видел это по глазам и ощущал в ее дыхании.

Потом она родила мне ребенка, девочку, и умерла. А я пошел к племени своей матери, чтобы ребенок мог кормиться у женской груди и жить. Но с рук у меня еще не

смылась кровь убитых мною, в этом была виновата церковь. И вот однажды за мной приехала конная полиция, но мой дядька, который в то время был вождем племени, спрятал меня и дал лошадей и еды. Я взял девочку, и мы поехали далеко, к Гудзонову заливу, где было мало белых, и они ни о чем не спрашивали. Там я нанялся на работу в Компании, был охотником, проводником, погонщиком собак, пока моя дочь не стала женщиной — высокой, стройной и приятной на вид.

Вы знаете здешнюю долгую и беспросветную зиму, она вызывает разные мысли и толкает на дурные поступки. Так вот, был там главный агент — наглый и черствый человек. И не из таких, кто нравится женщинам. Но ему приглянулась моя дочь, которая стала женщиной. Матерь божья! Однажды он отправил меня в длительную поездку на собаках, оказалось, для того, чтобы... ну, вы понимаете. Черствый, бессердечный человек. А она была почти белая, и душа у нее была белая, и такая хорошая женщина... Словом, она умерла.

В ту ночь, когда я возвратился, стоял жестокий мороз. Я пробыл в пути много месяцев, собаки еле тащили, когда я подъезжал к форту. Индейцы и метисы как-то странно смотрели на меня и молчали, и тут мне стало страшно, не знаю, почему. Но я ничего не спрашивал, накормил собак и сам плотно поел, как человек, которому предстоит тяжелая работа. И только потом я потребовал, чтобы мне сказали, в чем дело. У них не хватало духу: боялись, как бы я чего не сделал в ярости. И все же они рассказали слово за словом, шаг за шагом ту печальную историю и сильно дивились, что я молчу.

Выслушав, я отправился к дому агента и был спокойнее, чем сейчас, когда вспоминаю это. Агент испугался и позвал на помощь, но люди не одобряли его поступок и считали, что он должен ответить за него. Тогда агент убежал в дом пастора. Я пошел туда. Пастор вышел на порог и стал увещевать меня, говоря, что человек во гневе должен молить бога наставить его на путь истинный. Я сказал, что отцовское горе и возмущение давало мне право пройти, а он отвечал: только через мой труп, — и принялся молиться. Так церковь снова встала у меня на пути, она всегда стояла у меня на пути. Я перешагнул через пастора и отправил агента туда, где он встретит мою дочь, туда, где живет его бог, недобрый бог, бог белых людей.

О случившемся сообщили на ближайший пост, за мной была устроена погоня, и мне пришлось скрыться. Я отправился на восток, мимо Большого Невольничьего, вниз по Маккензи, дошел до вечных льдов, перевалил Снежные Скалы, вышел к Большой Излучине Юкона и спустился сюда. Вы первый человек из племени моего отца, кого я

встретил за все эти дни. И пусть вы будете последним! Те люди, в становище — моего племени, они просты и бесхитростны. Они научились уважать и почитать меня. Мое слово для них закон, и шаманы послушны мне, ибо боятся, как бы я не навредил им. Так вот, когда я говорю за них, я говорю и за себя. Оставьте нас в покое! Уходите отсюда! Если вы останетесь у наших костров, следом придет ваша церковь, придут ваши священники и боги. И знайте: каждого белого, кто придет в мое становище, я заставлю отречься от его бога. Но вы первый, и с вами я не поступлю так. Однако вы должны уйти и уйти быстро.

— Я не могу отвечать за всех своих братьев, — отвечал второй собеседник, в раздумье набивая трубку. Речь Хэя Стокарда была иногда столь же медлительна, сколь быстры его действия, но только иногда.

— Но я знаю ваше племя, — отвечал другой. — А вы и такие, как вы, прокладываете тропу остальным. Придет время, и они завладеют этим краем, но меня в то время уже не будет. Я слышал, они вышли к истокам Великой Реки, а далеко в низовьях — русские.

Хэй Стокард быстро поднял голову: то было нечто новое в географии. Люди Компании Гудзонова залива в форте Юкон иначе представляли путь реки, считая, что она течет к Северному Океану.

— Так, значит, Юкон впадает в Берингово море? — спросил он.

— Не знаю, но там, в низовьях, русские, много русских. Можете поехать туда и посмотреть сами, можете вернуться к своим братьям, но пока шаманы и воины послушны мне, вы не подниметесь по Коюкуку. Это говорю я, Батист, по прозвищу Рыжий. Слово мое — закон, ибо я глава этого племени.

— А если я не поеду туда, где русские, и не вернусь к своим братьям, что тогда?

— Тогда вы отправитесь туда, где живет ваш бог, недобрый бог, бог белых людей.

Из-за горизонта на севере, словно роня кровавые капли, выкатилось багровое солнце. Батист поднялся, кивнул и пошел назад, в становище. По земле стлались густо-красные тени, где-то пела зарянка.

Хэй Стокард докурил трубку, и в дыму костра виделись ему дальние истоки Коюкука, неведомой полярной реки, которая кончала здесь свой долгий путь, вливая воды в мутное течение Юкона. Если верить тому умирающему матросу, который спасся после кораблекрушения и прошел пешком весь край, если о чем-нибудь говорила бутылка с зернами золота, что припрятана у него в мешке, то где-то там, вверх по реке, в обители вечной зимы таится Сокровищница Севера. Но у ворот, преграждая ему путь, стоит страж — Батист по прозвищу Рыжий, человек, забывший, что в жилах его половина английской крови.

— Утрясется! — решил Хэй Стокард; раскидав догорающие угли, он встал и потянулся, беспечно глядя на вспыхнувший пламенем горизонт.

II

Хэй Стокард крепко выругался. Его жена подняла голову от кастрюль и, следуя глазами за его взглядом, внимательно посмотрела на реку. Индианка с Теслина, она тем не менее отлично знала, что означают те односложные и выразительные английские словечки. Любое происшествие — от самого незначительного, когда соскакивает ремень с лыж, до внезапной смертельной опасности — она привыкла мерить тем, насколько оглушительна и красочна была брань, срывавшаяся с уст ее

мужа. Поэтому сейчас она поняла, что дело серьезно. Длинное каноэ скользило вниз по течению, направляясь к крохотной бухточке у лагеря; на веслах играли лучи закатного солнца. Хэй Стокард пристально всматривался. Три человека слаженно работали веслами, ритмично покачиваясь взад и вперед, но Стокард видел только одного, с красным платком, повязанным вокруг головы.

— Билл! — позвал он. — Эй, Билл!

Из палатки, волоча ноги и пошатываясь, вышел высокий здоровяк; он тер глаза и позевывал. Но как только он увидел каноэ, сон у него как рукой сняло.

— Да это же тот проклятый священник, клянусь Мафусаилом! Хэй Стокард мрачно кивнул головой, потянулся было к ружью, но, очевидно, передумал и пожал плечами.

— Пристрелить его на месте, и дело с концом, — предложил Билл. — Иначе он нам все дело испортит.

Стокард не решился на эту крайнюю меру; отвернувшись, он знаком приказал жене продолжать работу и позвал товарища с берега. Пока двое индейцев привязали лодку в бухточке, белый в своем немислимом, бросающемся в глаза головном уборе поднялся на берег.

— Как и апостол Павел, говорю: мир вам и милость господня!

Слова священника были встречены угрюмым молчанием.

— Привет и тебе, Хэй Стокард, богохульник и филистимлянин. В сердце твоём жажда богатства, в сознании твоём дьявольские помыслы, в палатке твоей женщина, с которой ты прелюбодействуешь. И все же я, Стэрджес Оуэн, посланец божий, призываю тебя в этой пустыне покаяться в грехах своих и очиститься от скверны.

— Поберегите-ка порох, отец мой, — раздраженно прервал Хэй Стокард. — Вам понадобятся все ваши запасы и еще сверх того. Здесь Рыжий Батист.

Он махнул рукой в сторону индейского становища, где стоял метис и пристально всматривался, пытаясь разглядеть, кто же были эти незнакомцы. Приказав своим людям разбить палатку, Стэрджес Оуэн, носитель света веры и посланец божий, стал спускаться по склону. Стокард последовал за ним.

— Послушайте, — начал он, взяв миссионера за плечо и повернув к себе.

— Вы дорожите своей шкурой?

— Жизнь моя в руке божьей, а я лишь тружусь в его виноградниках, — отвечал тот торжественно.

— Э, бросьте! Хотите принять мученический венец?

— Если на то его воля.

— Ну, это не трудно, не волнуйтесь, но прежде я дам вам совет. Можете последовать ему или нет. Но если вы останетесь здесь, преждевременная кончина прервет ваши труды. И погибнете не только вы один, но и ваши люди, и Билл, и моя жена...

— Дочь дьявола, которой не дано услышать слово истины.

— ...и я. Вы навлечете беду не только на себя, а на всех нас. Помните, мы зимовали вместе в прошлом году? Я знаю, что вы неплохой человек, но... недалекий. Если вы считаете своим долгом обращать язычников, — ваше дело. Но будьте же хотя немного разумны в средствах! Этот человек, Батист, не индеец. Он нашей породы, упрямый как бык, я таким не бываю, и ярый фанатик по-своему, как и вы. И если вы двое сойдетесь, хлопот не оберешься, я не желаю быть замешанным в это дело, понимаете, не желаю! Так что послушайте моего совета и уезжайте. Если спуститесь вниз, то встретите там русских. Среди них есть, конечно, православный священник, и вас в безопасности переправят к Берингову морю — Юкон, между прочим, впадает туда, — а затем уже нетрудно добраться до цивилизованного мира. Послушайте меня и уезжайте как можно скорее!

— Тому, у кого в сердце бог, а в руке евангелие, не страшны козни ни человеческие, ни дьявольские, — решительно отвечал миссионер. — Я должен увидеть этого человека и вступить в единоборство с ним. Вернуть заблудшую овцу в лоно церкви больше чести, чем обратить тысячу язычников. Того, кто погряз в пороке, легче вывести на стезю добродетели. Вспомните тарсиняна Савла, который пошел в Дамаск, дабы отвести христиан в Иерусалим. По дороге явился ему спаситель, и услышал он голос, говорящий: «Савл, Савл, что ты гонишь меня?» И тут Савл, он же и Павел, прозрел и исполнился благодати и многие души спас потом. Так же, как и ты, о святой Павел, я тружусь в виноградниках господа нашего, готовый претерпеть ради него горести и испытания, насмешки и глумление, удары и наказания. Эй, вы, —

крикнул он своим гребцам, — принесите-ка мешочек с чаем и котелок воды. Да не забудьте тот кусок оленины и сковороду!

Когда люди священника, недавно обращенные им самим в истинную веру, поднялись на берег, вся троица упала на колени и, хотя в руках у них и на спине было снаряжение, воздала хвалу всевышнему за помощь в долгом пути и благополучное прибытие. Хэй Стокард смотрел на них с насмешливым неодобрением: торжественность и таинство молитвы уже ничего не говорили его суровому сердцу. Там, у становища, Батист по прозвищу Рыжий узнал знакомые позы и вспомнил ту, которая делила с ним в горах и лесах ложе под звездами, и свою девочку, которая покоилась сейчас где-то у холодного Гудзонова залива.

III

— Черт побери, Батист, и не думай об этом! Выброси из головы. Согласен, что этот человек глупец и никому не принесет пользы, и все-таки я не могу, понимаешь, не могу не встать на его сторону.

Хэй Стокард помолчал, стараясь выразить словами свое простое понимание законов чести.

— Он и мне самому порядком надоед, Батист, и немало причинял разных хлопот. Но неужели ты не понимаешь, что он моего племени, белый... и... Нет, да будь он даже негром, не смог бы я пожертвовать им ради спасения собственной шкуры.

— Пусть будет так, — отвечал Батист. — Я предложил тебе самому сделать выбор. Скоро я приду со своими шаманами и воинами и либо убью тебя, либо заставлю отречься от твоего бога. Отступись, оставь священника и уезжай с миром! Иначе твоя тропа оборвется здесь. Мой народ, вплоть до малых детей, против вас. Смотри, ребяташки уже угнали твои лодки.

Он показал на реку. Голые мальчишки подплыли к лодкам, отвязали их и погнали к середине течения. Отплыв на расстояние ружейного выстрела, они забрались в каноэ, взяли за весла и стали грести к становищу.

— Отдай священника — и получишь лодки обратно. Ну, решай! Но не спеши.

Стокард покачал головой. Взгляд его упал на женщину с Теслина с его сыном на руках, и сердце его дрогнуло, но тут он поднял глаза на человека, стоящего перед ним.

— Меня не пугает это, — начал Стёрджес Оуэн. — Господь милостив, я готов один отправиться в лагерь нечестивца. Еще не поздно. Вера движет скалы. Может быть, мне удастся спасти его душу даже в свой последний час.

— Навалиться на негодя и связать его, — яростно шептал Билл на ухо своему товарищу, пока миссионер схватился в словесной дуэли с язычником. — Сделать его заложником и пристрелить, если они затеют драку.

— Нет, — ответил Стокард. — Я дал слово, что его не тронут. Таковы законы войны, Билл. Он ведь с нами поступил по справедливости, предупредил и все такое... Нет, черт возьми, я не могу нарушить слова.

— А он сдержит свое, уж будь уверен.

— Не сомневаюсь. Но я не хочу, чтобы какой-то метис вел более честную игру, чем я. Послушай, а почему бы нам не сделать так, как он предлагает? Оставим ему священника, и дело с концом.

— Н-нет, — пробормотал Билл.

— Что, духу не хватает?

Билл покраснел и прекратил разговор.

Батист ждал окончательного решения. Стокард подошел к нему.

— Слушай меня, Батист. Я пришел в твоё становище, намереваясь пробраться к истокам Коюкука. Я не сделал ничего дурного. В сердце у меня не было зла. Нет и сейчас. Потом приехал этот священник. Не я привел его сюда. Он пришел бы так или иначе. Он моего племени, и я не могу оставить его в беде. И не оставлю. Ты понимаешь, что взять нас нелегко. Твое становище замрет и опустеет, как после голода. Я знаю, что мы погибнем, но немало и твоих воинов...

— Зато оставшиеся будут жить в мире, и в уши им не будет лезть слово чужих богов и болтовня чужих священников.

Оба пожали плечами и разошлись; Батист пошел к себе в становище.

Миссионер призвал своих индейцев, и троица принялась усердно молиться. Стокард и Билл стали рубить сосны неподалеку, сооружая из них укрытие. Уложив уснувшего ребенка на шкуры, теслинка по мере сил помогала мужчинам. Скоро лагерь был укреплен с трех сторон наваленными деревьями, а крутой спуск позади исключал

возможность нападения с реки. Когда приготовления в лагере были закончены, Стокард и Билл вышли из-за укрытия и стали расчищать склон от растущего кое-где кустарника. Из становища доносился грохот военных барабанов и завывания шаманов, призывающих воинов к сражению.

— Туго придется, если они будут наступать перебежками, — сказал Билл, когда они, с топорами на плечах, возвращались в лагерь.

— И станут ждать темноты, когда трудно стрелять.

— Ну что ж, начнем первые.

Бросив топор, Билл взял винтовку и устроился поудобнее. Среди индейцев выделялся высокий шаман. Билл взял его на мушку.

— Все готовы? — спросил он.

Стокард открыл патронный ящик, усадил жену так, чтобы она могла заряжать в укрытии ружья, и подал команду. Высокий шаман грохнулся наземь. На какое-то мгновение все стихло, затем послышались яростные крики, на склон, не долетев до лагеря, обрушилась туча стрел.

— Хотел бы посмотреть на того парня, — заметил Билл, посылая новый патрон. — Кажется, я ему прямо в лоб засадил.

— Нет, не поможет, — угрюмо качал головой Стокард.

Батисту, очевидно, удалось успокоить наиболее воинственных своих соплеменников, и следствием выстрела была не атака при дневном свете, а поспешное отступление индейцев из становища, вне зоны огня.

Охваченный христианским рвением, порожденным мыслями о боге, Стэрджес Оуэн отважился было немедленно идти в лагерь нечестивца, равно готовый узреть чудо или принять муки. Но, пока велись переговоры, пыл его поутих, и в нем заговорило его естество. Надежду на вечное спасение сменил физический страх перед смертью, любовь к богу уступила место любви к жизни. И то не было чем-то незнакомым. Он давно замечал за собой эту слабость, и сейчас она снова одолевала его. Нередко он пытался побороть постыдное чувство, но всякий раз оно брало верх. Однажды, вспоминал Стэрджес Оуэн, когда другие отчаянно работали веслами, пытаясь спастись ото льда, что с грохотом ломился вниз по течению, в ту крайнюю минуту вселенского хаоса, он бросил весло и стал молить бога о милосердии. Воспоминание было не из приятных. Достойно стыда, что плоть его возобладала над духом. Но как хотелось жить, как хотелось жить! Он не мог отказаться от жизни. Именно любовь к жизни побудила отдаленных его предков увековечить себя в потомках, из-за любви к жизни ему тоже назначено увековечить себя. Мужество Стэрджеса Оуэна, если это вообще можно было назвать мужеством, было порождением фанатизма. А мужество Стокарда или Билла уходило корнями в какие-то устойчивые идеалы. Они ничуть не меньше любили жизнь, нет, но они больше чтили традиции своей расы, их тоже страшила смерть, но они были достаточно смелы, чтобы не покупать жизнь ценой позора.

Миссионер поднялся: его обуяла мысль о самопожертвовании. Он даже забрался на баррикаду, чтобы отправиться в лагерь противника, но в ту же минуту рухнул вниз жалкой бесформенной массой и запричитал:

— Да будет воля всевышнего! Кто я такой, чтобы преступать заветы его? Еще до сотворения мира был записан в книге судеб порядок вещей. Неужели мне, ничтожному червю, суждено вычеркнуть из той книги хоть строку? Боже, как слаб дух мой, и на то твоя воля!

Билл нагнулся, поставил священника на ноги и молча потрянул его. Это не помогло, и Билл, отпустив этот дрожащий и всхлипывающий человеческий комок,

повернулся к двум индейцам. Те, очевидно, нисколько не были напуганы и с живостью готовились к предстоящей схватке.

Стокард, о чем-то вполголоса говоривший с теслинкой, посмотрел на священника.

— Приведи-ка его сюда, — приказал он Биллу.

— Ну вот что, — начал он, когда священника подвели к нему, — сделайте нас мужем и женой. Да поторапливайтесь! — Затем, словно извиняясь, добавил: — Неизвестно, чем все кончится, Билл, так что я решил привести в порядок свои делишки.

Женщина беспрекословно подчинилась воле своего белого господина. Для нее церемония не имела никакого смысла. По ее понятиям она была женой Хэй Стокарда с того самого первого дня. В качестве свидетелей выступили новообращенные индейцы. Священник то и дело запинался, но Билл, не мешкая, приходил ему на помощь. Стокард подсказывал невесте, что нужно говорить, и когда дошло до слов «и в радости и в горе», соединил большой и указательный пальцы и надел воображаемое кольцо ей на палец.

— Поцелуй невесту! — громовым голосом приказал Билл, и Стэрджес Оуэн вынужден был повиноваться.

— А теперь окрестите ребенка, — потребовал Хэй Стокард.

— И чтоб все как полагается, — заметил Билл.

— Полное снаряжение для нового пути, — объяснил отец, беря мальчика из рук матери. — Знаешь, пошел я однажды к Порогам, все с собой взял, кроме соли. Туго пришлось — никогда не забуду! Так что лучше быть готовым, если предстоит поход. Между нами, Билл, я не знаю, понадобится ли это там, но хуже не будет.

Младенца окропили водой из чашки и уложили в укромный уголок. Мужчины, разложив костер, стали готовиться к ужину.

Солнце, склоняясь к западу, спешило на север. Небо в той стороне горело кроваво-красным пламенем. Тени удлинялись, сгущались сумерки, в темных чащобах леса замирала жизнь. Даже дикие гуси на островке кончили свою крикливую перебранку и сделали вид, что укладываются на покой. И только индейцы за становищем не унимались, они исступленно колотили в барабаны и горланили

воинственные песни. Но вот солнце закатилось, утомонились и они. Спустилось полночное безмолвие. Стокард приподнялся на колени и выглянул из-за укрытия. Заплакал ребенок и отвлек его внимание. Мать под села к мальчугану, но тот уже спал. Стояла глубокая, казалось навек, тишина. И в ту же минуту зычно прокричала зорянка. Ночь прошла.

Поле заливал кипящий человеческий поток. Зазвенели луки, запели стрелы. В ответ резко хлопали ружья. Брошенное чьей-то уверенной рукой копье пригвоздило к месту теслинку как раз в тот момент, когда она наклонилась над ребенком. Стрела на излете, проскочив щель в баррикаде, вонзилась в плечо миссионеру.

Горстка людей не могла отбить нападение. Пространство между баррикадой и атакующими было завалено трупами, но индейцев все прибывало, они стремительно неслись вперед, и баррикаду захлестнуло точно огромной океанской волной. Стэрджес Оуэн бросился бежать к палатке, остальных посбивал с ног, похоронил нарастающий людской прилив. И только Стокард держался на ногах, раскидывая визжащих индейцев, словно щенят. Ему даже удалось поднять топор. Кто-то схватил ребенка за ногу, вытащил его из-под матери и, размахнувшись, ударил о бревно. Стокард топором разможил индейцу череп и стал пробивать себе дорогу. Он был окружен яростной толпой, осыпавшей его градом копий и стрел. Из-за горизонта выкатилось солнце, и фигуры индейцев зловеще покачивались в алых лучах. Дважды они наваливались на Стокарда, когда он не успевал после сильного удара вытащить топор, и оба раза он стряхивал их с себя. Индейцы падали, и он шагал по их телам, и ноги его разъезжались в лужах крови. Наконец индейцы в испуге отступили, и Стокард оперся на топор, чтобы перевести дух.

— Клянусь, ты настоящий мужчина! — воскликнул подошедший Батист. — Отрекись от своего бога и останешься жить.

Ослабевшим от усталости голосом, но с полным достоинством Стокард проклятиями выразил свой решительный отказ.

— Посмотрите-ка на эту бабу! — сказал метис, когда к нему подвели Стэрджеса Оуэна.

Не считая царапины на плече, священник был невредим, но глаза его бегали от страха. Помутневший взгляд его упал на величественную фигуру богохульника Стокарда; несмотря на многочисленные раны, тот твердо стоял на ногах, вызываясь опираясь на топор, — спокойный, неукротимый, недостижимый. И тут миссионер

несказанно позавидовал человеку, который способен был так безмятежно сойти к темным вратам смерти. Да, именно этот человек, а не он, Стэрджес Оуэн, вылеплен был по образу и подобию Христа. И священник смутно ощутил проклятие предков, привычную слабость, которая досталась ему от прошлого, и почувствовал горькую обиду на созидательную силу — как бы она ни представлялась ему, — которая сотворила его, ее слугу, таким немощным. Даже человека с более сильной волей эта горечь и обстоятельства заставили бы сделаться отступником; для Стэрджеса Оуэна это было неизбежностью. В страхе перед человеческой злобой он пренебрежет гнетом господним. Его научили служить всевышнему, но оставили в роковую минуту. Ему дали веру, но без убежденности, ему дали дух, но не волю. Это было несправедливо.

— Где же теперь твой бог? — спросил метис.

— Я не знаю. — Стэрджес Оуэн стоял прямо, не шелохнувшись, будто ученик на уроке закона божьего.

— Так, значит, у тебя нет бога?

— У меня был бог.

— А сейчас?

— Нет.

Стокард смахнул кровь со лба и засмеялся. Миссионер посмотрел на него удивленно, точно сквозь сон. И ему показалось, что он отдаляется, что между ним и этим человеком пролегла бесконечность. И в том, что случилось, что должно было неизбежно случиться, он уже не принимал участия. Он стал зрителем, наблюдающим за событиями на расстоянии, да, да, на расстоянии.

До него как из тумана донеслись слова Батиста:

— Хорошо. Отпустите этого человека, и чтоб ни один волос не упал с его головы. Пусть уезжает с миром. Дайте ему каноэ и еды. Пусть отправляется туда, где русские, и расскажет их священникам о Батисте по прозвищу Рыжий, в чьей стране нет бога.

Миссионера отвели к берегу; он помедлил там, чтобы увидеть развязку трагедии. Метис повернулся к Хэю Стокарду.

— Бога нет, — сказал он.

Стокард лишь рассмеялся в ответ. Один из молодых воинов поднял копье.

— Так у тебя есть бог?

— Да! Бог моих отцов.

Он поудобнее перехватил рукоятку топора, но тут Батист подал знак, и копье вонзилось пленнику в грудь. Миссионер видел, как костяной наконечник прошел насквозь, как Стокард, все еще смеясь, качнулся и рухнул вперед, как сломалось древко копья. Потом Стэрджес Оуэн прыгнул в лодку и погреб вниз по течению, чтобы поведать русским о Батисте по прозвищу Рыжий, в чьей стране не было бога.

